

**ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЕ И СССР НА РУБЕЖЕ 80–90-х гг. XX в.**

Аннотация. В статье анализируются события в Восточной Европе, которые произошли в 1988–1989 гг. и следствием которых стало падение просоветских коммунистических режимов в странах этого региона, переход их в сферу влияния США и, в конечном счете, присоединение к НАТО и Евросоюзу. Указанные события получили название «бархатные революции». Сам СССР ненадолго пережил родственные и с его участием установленные режимы в восточноевропейских странах. Данный факт для ряда исследователей стал основанием считать анализируемые события звеньями одной цепи – распада социалистической системы и торжества либеральной идеи. Однако авторы данной статьи ставят под сомнение такую трактовку указанных процессов, учитывая, что их «позитивный результат» для восточноевропейских стран и республик Советского Союза, особенно РСФСР, далеко не идентичен, а во многих отношениях прямо противоположен. С учетом указанной особенности историографической ситуации авторами предпринята попытка проанализировать революционные изменения на востоке европейского континента, акцентировать внимание на наиболее существенных различиях событий и процессов в СССР, с одной стороны, и государствах Восточной Европы, с другой. Исследование сфокусировано не на Советском Союзе в целом, а на его крупнейшей республике РСФСР – непосредственной предшественнице постсоветской РФ. Из числа восточноевропейских государств авторы не подвергают анализу ситуацию в Югославии и Албании, поскольку события в этих странах развивались столь специфично, что требуют отдельного сравнительного исследования. Выбранный подход позволяет исследователям подойти к пониманию причин известного финала событий конца 1980-х гг. для РСФСР, который, по мнению авторов, имел больше сходства с развитием событий в некоторых среднеазиатских республиках бывшего СССР, нежели с прибалтийскими республиками и, тем более, восточноевропейским «братским странам».

Ключевые слова: «бархатные революции», РСФСР, Восточная Европа, социализм, либерализм, демократия.

Введение

Глубокие политические перемены, произошедшие в ряде стран Центральной и Восточной Европы в конце 80-х гг. XX в. и оказавшиеся во многом неожиданными для политиков и политологов не только Востока, но и Запада, вызвали разнообразную палитру оценок и интерпретаций данных событий. При этом многие мнения, высказанные и в 1990-е гг., и сейчас, отличаются ярко выраженной идеологизацией аналитической составляющей тех выводов, к которым приходят их авторы. В свою очередь, подобного рода высказывания привели к мифологизации событий и догматизации их исторических и политических оценок. Данный факт становится основанием для нового обращения к названной проблематике, тем более что за всплеском числа публикаций, посвященных событиям 1989–1992 гг., последовавших сразу после революций [3; 4; 7 и др.], наблюдался спад исследовательской активности. Однако спустя тридцать лет после этих событий появляется возможность для более взвешенной и объективной их оценки. Остановимся на наиболее существенных различиях в политических и социально-экономических сдвигах, произошедших в жизни стран Восточной Европы и РСФСР на рубеже 80–90х гг. XX в.

1. Социальная база правящих режимов

Оппозиционные настроения в бывшей РСФСР охватили незначительную часть населения страны. Как отмечают А. Б. Безбородов, Н. В. Елисеева и В. А. Шестаков, признаки серьезного недовольства существующим режимом (не путать с отдельными персоналиями) наблюдались лишь среди определенной части партноменклатуры среднего и высшего звена (о причинах такого положения тоже следует говорить отдельно), среди ряда кругов интеллигенции, незначительной части рабочих и еще меньшей части учащейся молодежи [1, с. 94]. А это означало, что антикоммунистические силы не могли рассчитывать здесь на столь массовую поддержку так, как было, например, в Польше и Венгрии (хотя, по некоторым оценкам, в этих странах имела место «революция сверху»), Румынии, Болгарии, ГДР, Чехословакии или в прибалтийских республиках [10, с. 257].

Значительное влияние на ситуацию в нашей стране имел фактор более длительного, нежели в Восточной Европе, существования коммунистического режима в крупнейшей республике Советского Союза. При этом РСФСР, в отличие и от государств Восточной Европы и Прибалтики, в полной мере столкнулась с наиболее радикальной и разрушительной фазой большевистской революции, сопровождавшейся тотальной войной со всеми проявлениями старой жизни и старого уклада, с национальными традициями и обычаями, уничтожением «эксплуататорских классов» в предельно широкой трактовке этого понятия. Связь времен между поколениями и их культурой была порвана основательнее, чем где-либо; а наследие «военного коммунизма» оказалось весьма живучим. В совокупности с многолетней интенсивной индоктринацией населения коммунистическая идея (в радикальной форме) оказала значительно большее влияние на массовое сознание населения, нежели в любой восточноевропейской стране [6, с. 127].

В условиях тотального огосударствления экономики средний класс, требующий экономически самостоятельных собственников или хотя бы кооператоров – массовой базой либеральной демократии, сформироваться не мог. Никак не способствовала его формированию и путаная горбачевская политика. Достаточно сказать, что уже в начале перестройки были изданы два взаимоисключающих документа – Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности»¹ и Указ Президиума Верховного Совета СССР о борьбе с «нетрудовыми доходами»². Подобные «зигзаги» экономической политики изначально подрывали саму возможность появления не только среднего класса, но даже его подобия в нашей стране; и при этом не препятствовали теневому бизнесу, растущему в условиях прогрессирующей коррумпированности органов власти.

В зарубежных странах Восточной Европы, а отчасти и в Прибалтике, ситуация во многом была иной. Здесь советизация началась гораздо позднее, она не знала ни «военного коммунизма», ни тотальной войны с прошлым, ни столь же тотального уничтожения эксплуататорских классов. Ликвидация крупной собственности во многом устранила острые социальные контрасты и феодальные пережитки, ранее имевшие место в регионе [15, с. 17].

В то же время само советское руководство предостерегало, к примеру, лидеров «братских партий» восточноевропейских стран от поспешной коллективизации, тотального огосударствления экономики и ликвидации всех «несоциалистических» форм собственности. Не преследовалась, в отличие даже от позднего СССР, индивидуальная трудовая деятельность [9]. Это было характерно и для прибалтийских республик, где экономическая политика была значительно либеральнее, чем, скажем, в РСФСР, и, в отличие от последней, здесь гораздо эффективнее действовала ст. 17 Конституции СССР 1977 г. о допущении в СССР индивидуальной трудовой деятельности в сфере кустарно-ремесленных промыслов, сельского хозяйства, бытового обслуживания населения, а также других видов трудовой деятельности, основанных исключительно на личном труде граждан и членов их семьи³.

Таким образом, в отличие от РСФСР, в восточноевропейских странах, а отчасти и в прибалтийских республиках Союза, при устранении вопиющих социальных антагонизмов, ранее имевших здесь место, в условиях коммунистических режимов сформировался своего рода средний класс, более близкий, чем в большинстве республик СССР, к западному первообразу, и более многочисленный, чем в межвоенную эпоху. Тем самым, как справедливо замечает Н. С. Коровицына, восточноевропейские страны соцлагеря оказались гораздо лучше подготовлены к буржуазно-либеральной демократии, нежели это было в первой половине XX века [8, с. 210].

2. Эмиграция как фактор прочности власти

Говоря о существенных различиях между СССР (РСФСР прежде всего) со странами Восточной Европы, нельзя сбрасывать со счета и фактор массовой эмиграции из большевистской России, вернее, двух волн эмиграций, повлекших исход из страны миллионов лиц, безусловно враждебных коммунистическому режиму. Такого масштабного оттока представителей указанной категории не знала ни одна восточноевропейская страна [12, с. 19]. Соответственно, и количество враждебных социалистическому строю элементов в СССР, исключая его прибалтийские республики, Молдавию и западные

¹ Закон Союза Советских Социалистических Республик «Об индивидуальной трудовой деятельности» от 19 ноября 1986 года N 6051-XI // АО «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/9024308/titles/23OUG2C> (дата обращения: 10.01.2022).

² Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с извлечением нетрудовых доходов» (с изменениями на 30 июня 2006 года) // АО «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/902005992> (дата обращения: 10.01.2022).

³ Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 года. М.: Политиздат, 1977. С. 8.

области Украины, было меньшим, нежели в восточноевропейских государствах. Примем во внимание и то, что многие эмигранты «второй волны», прежде чем отправиться в изгнание, успели во время гитлеровской оккупации более чем основательно скомпрометировать и себя, и само дело «борьбы с коммунизмом». Естественно, в Советском Союзе эмигранты воспринимались не как «герои антибольшевистской борьбы», а как предатели Родины, пособники оккупантов и соучастники их преступлений. Такая репутация менее всего могла способствовать и популярности самих антикоммунистических идей среди основной массы населения большинства советских республик, в том числе РСФСР.

3. Ментальные и социокультурные отличия

В связи с этим необходимо остановиться еще на одном вопросе. Существует мнение, будто бы, в отличие от Восточной Европы, Россия никогда не знала демократии, и сама демократическая идея была чужда ее населению. Оставляя в стороне тезис о полном отсутствии в России демократических традиций, нелишне ответить на вопрос, насколько справедливо, что восточными европейцами в конце 1980-х гг. двигали воспоминания о правах и свободах, которые были у них ранее и которых их лишил коммунистический режим.

Существенно иметь в виду, что демократический опыт большинства тогдашних советских сателлитов в Восточной Европе, как и в Прибалтике, был весьма скромным. Так, в Восточной Германии (как и вообще в Германии до 1945 г.) демократия ограничилась 14-ю годами Веймарской республики, которая не оставила особо приятных воспоминаний в национальной памяти немцев. Вполне сопоставимы с российскими были и стартовые позиции большинства восточных европейцев к началу складывания современного политического состояния государств региона. Единственным исключением из общего правила стала Чехословакия, где демократический режим установился прочно и продержался почти все межвоенное двадцатилетие.

Недостаточное развитие демократических традиций в Восточной Европе компенсировалось специфической общеевропейской ментальностью основной массы населения, чувством сопричастности к европейской цивилизации вообще, ориентацией на европейскую модель развития. Это накладывало мощный отпечаток на характер местного национализма, придавая ему однозначно проевропейский характер. Ситуацию усугубляло наличие традиционно сильных антирусских настроений в ряде стран региона [2, с.29]. При этом в условиях холодной войны западный мир должен был во изменение прежней своей позиции безоговорочно признать восточных европейцев «своими», что еще более усиливало тяготение населения региона к Западной Европе и, с учетом специфики холодной войны, содействовало, кроме того, распространению проамериканских симпатий. Массовое антикоммунистическое движение в Восточной Европе (включая и Прибалтику) развертывалось в итоге не только и не столько под либерально-демократическими, сколько под националистическими, а, в отдельных случаях, например, в польском и под религиозными лозунгами [5, с. 73]. В конце 1980х гг. это проявилось особенно четко.

Ситуация в РСФСР существеннейшим образом отличалась от восточноевропейской, за исключением мусульманских регионов и буддийских республик, поскольку религия к концу 1980-х гг. не являлась самостоятельным фактором политического развития. Иным было, как уже говорилось, и восприятие коммунистического режима основной массой населения. В Восточной Европе вполне реальные благодеяния коммунистов отнюдь не перевешивались в глазах большинства населения тем фактом, что режимы советского типа были привнесены извне. Там, где антирусские настроения были традиционно сильны, это обостряло и усиливало резко отрицательное восприятие правящих режимов [9]. В большей части СССР и особенно в РСФСР положение существенно отличалось. В силу того, что коммунистический режим здесь был установлен «естественным» путем после победы большевиков в гражданской войне, он не воспринимался большинством населения как извне навязанная сила. Победа же СССР над гитлеровской Германией еще более усилила авторитет большевистского режима, настолько, что даже многие белоэмигранты в 1945 г. готовы были с ним примириться. В глазах основной массы населения Советского Союза победа в Великой Отечественной войне стала, с одной стороны, моральным оправданием всех событий с октября 1917 г., а с другой, – доказательством бесспорной правоты большевистской партии. Это восприятие советского режима через призму Победы 1945 г. сохранялось до самого конца коммунистической власти и даже после 1991 г. Разумеется, не всё в политике ВКП(б) – КПСС вызывало всеобщее одобрение, но недовольство могло направляться на отдельные мероприятия власти, отдельные персоналии, но – в отличие от Восточной Европы – не на коммунистический режим в целом. Его позиции в крупнейшей республике Советского Союза были, таким образом, намного прочнее, нежели в любой стране Восточной Европы.

4. Характер внутриполитической борьбы

Вследствие отмеченных отличий от стран Восточной Европы, национальные чувства и патриотические настроения большинства народов РСФСР, в том числе русских, гораздо легче было мобилизовать в поддержку коммунистического режима, чем против него [13, с. 69].

В этой связи нелишне заметить, что у антигорбачевски настроенной части коммунистов было гораздо больше оснований (и морального права) апеллировать к русскому патриотизму, нежели у их оппонентов как внутри, так и вне КПСС, ибо и те лица, которые выражали симпатии к тем или иным формам «еврокоммунизма», и те, кто симпатизировали либерально-демократическим идеям, слишком тенденциозно и односторонне интерпретировали отечественную историю, слишком открыто пропагандировали «импортированные» концепции, даже не пытаясь соотносить их с отечественными реалиями, слишком некритически воспринимали установки зарубежных авторитетов. Более того, их бесконечные, подчас парадоксальным метаниям создали им сложности при определении идеологических предпочтений уже в постсоветский период.

Таким образом, причины отмеченной исследователями В. Д. Соловьев и Т. Д. Соловьев парадоксальной ситуации в РСФСР конца 1980-х – начала 1990-х гг. (антипатриотический либерализм vs антилиберальный национал-патриотизм) [14, с.216], совершенно немыслимой для Восточной Европе, являются более сложными, чем это видится указанным авторам. То, что антигорбачевски настроенная часть партноменклатуры не воспользовалась этим парадоксом, не использовала его в своих целях – это отдельный вопрос, требующий анализа. Скажем лишь, что данная ситуация, как и узость социальной опоры либеральных (точнее, позиционирующих себя в качестве таковых) сил в РСФСР предопределила еще один парадокс – стратегический союз демократического движения с той частью номенклатуры, которая исходя из собственных интересов готова была пожертвовать коммунистической идеологией, сохранив за собой власть и присовокупив к ней собственность. Последнее по определению требовало демонтажа коммунистической идеологии, а вместе с ней и системы в целом.

Лозунги либерально-демократического характера идеально могли выполнить здесь функции прикрытия, мимикрии подлинных целей. Следствием такого положения стал отмеченный союз вчерашних противников – демдвижений и части партноменклатуры, причем в этом союзе демдвижения явно выступали в качестве более слабой стороны. В Восточной Европе подобный союз если и существовал, то лишь на самом раннем этапе «бархатных революций», когда он носил сугубо тактический характер. Пожалуй, лишь Румыния стала некоторым исключением из правила, но и в этой стране бывший партфункционер И. Илиеску должен был реализовать радикально антикоммунистическую программу [11, с. 37]. Отсюда и противоположные результаты у «бархатных революций» в Восточной Европе конца 1980-х гг. и у событий, имевших место в СССР в конце того же и начале следующего десятилетия. Очевидно, случае с СССР следует говорить не о «бархатных революциях», а, скорее, о дворцовых переворотах образца XVIII века., с одной лишь оговоркой, что ни один дворцовый переворот тогдашней Российской империи не приводил к распаду государства.

Вместо заключения

Очевидно, что указанные выше факторы оказали решающее влияние на характер политических процессов в восточноевропейском сегменте социалистического блока на рубеже 1980–1990х гг. и, несмотря на общую цивилизационную направленность преобразований, привели к радикально отличающимся результатам. При установлении причин победы именно той части партийной и государственной номенклатуры, которая выступала за демонтаж неприемлемых для нее и несовместимых с ее стратегическими целями элементов коммунистического режима при одновременном сохранении или даже усилении того, что в этом режиме ее вполне устраивало, и поражения другой, большей часть правящего класса СССР, необходимо выделить следующие факторы: утрату веры в коммунистические идеалы основной частью партгосноменклатуры, включая «красных консерваторов»; тактический, а не стратегический характер разногласий внутри правящего класса; значительно большую активность и инициативность ревизионистской части партноменклатуры и при этом пассивный характер поддержки режима большинством населения РСФСР (вспомним, что в переломные эпохи решающая роль всегда принадлежит именно активному меньшинству); самодискредитацию коммунистического режима в течение 1985–1991 гг.

В результате стечения указанных обстоятельств произошел передел власти в пользу ревизионистов, демонтаж неприемлемого для них в общем балансе прежнего режима при сохранении всего остального при довольно быстром отбрасывании выполнивших свою функцию псевдодемократических декораций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безбородов А. Б., Елисеева Н. В., Шестаков В. А. Перестройка и крах СССР. 1985–1993. СПб.: Норма, 2010. 216 с.
2. Блинова М. А. Социалистический интернационал и страны Центральной и Восточной Европы в 1989–2002 годах: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 230 с.
3. Бутенко А. П. Особенности крушения тоталитаризма коммунистических цветов // *Общественные науки и современность*. 1995. № 5. С. 169–175.
4. Восточная Европа: контуры посткоммунистической модели развития: сб. статей / РАН, Ин-т славяноведения и балканистики, Науч. центр общеслав. исслед.; отв. ред. Ю. С. Новопашин. М.: ИСБ, 1992. 213 с.
5. Задорожнюк Э. Г. Революции 1989 г. и процессы становления новой региональной идентичности Центральной Европы // *Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы: Взгляд через десятилетие*. М.: Наука, 2001. С. 69–82.
6. Задорожнюк Э. Г. Советская перестройка и революции 1989–1990 годов в странах Центральной и Юго-восточной Европы // *Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя: сб. статей РАН, Институт славяноведения*. М.: РОССПЭН, 2011. С. 118–134.
7. Князев Ю. К. Пути преобразований // *Общественные науки и современность*. 1991. № 5. С. 55–63
8. Коровицына Н. С Россией и без нее: восточноевропейский путь развития. М.: Алгоритм, 2003. 310с.
9. Крах социализма в Восточной Европе [Электронный ресурс] // *Российская империя [сайт]*. URL: <http://www.rusempire.ru/istoriya-sovetskogo-soyuza/krah-sotsializma-v-vostochnoy-evrope.html> (дата обращения: 10.01.2022).
10. Малхозова Ф.В. Советская общественность и демократические революции в Центральной и Восточной Европе осенью 1989 г. // *История современности: информационные ресурсы, методы и исследовательские практики в России и за рубежом: доклады Междунар. науч.-практ. конф./ под общ. ред. Е. П. Малышевой*. М.: Изд.-во РГГУ, 2019. С. 253–264.
11. Мусатов В. Л. Румыния: события двадцатилетней давности // *Новая и новейшая история*. 2011. № 2. С. 32–42.
12. Новопашин Ю. Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы: взгляд через десятилетие // *Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы: Взгляд через десятилетие / отв. ред. Г. Н. Севостьянов*. М. : Наука, 2001. С. 11–25.
13. Полунов А. Ю. Национальный вопрос в воззрениях власти и демократической оппозиции в СССР (конец 1980-х - начало 1990-х гг. // «Бархатные революции» 1989 года в истории СССР, Чехословакии и стран Центральной и Восточной Европы: коллективная монография. Минск: Колорград. 2019. С. 66–74.
14. Соловей Т. Д., Соловей В. Д. Несостоявшаяся революция. М. : АСТ: Астрель, 2011. 541 с.
15. Шишелина Л.Н. Центральная Европа: три десятилетия после «Бархатных революций» // *Центральная Европа: тридцать лет по пути реформ. Проблемы, вызовы, перспективы /под ред. В. В. Воротникова, М. В. Ведерникова*. М. : Изд-во ФГБОУН Институт Европы Российской академии наук, 2021. С. 10–21.

Dorozhkin A. G.

(Magnitogorsk, Russia)

Yu. D. Korobkov (Magnitogorsk, Russia)

FEATURES OF SOCIO-POLITICAL PROCESSES IN EASTERN EUROPE AND THE USSR AT THE TURN OF THE 80-90S. 20TH CENTURY

Abstract: The article analyzes the events in Eastern Europe that took place in 1988–1989 and the result of which was the fall of the pro-Soviet communist regimes in the countries of this region, their transition to the US sphere of influence and, ultimately, their accession to NATO and the European Union. These events are called "velvet revolutions". The USSR itself did not survive much the kindred and established regimes with its participation in the Eastern European countries. This fact became the basis to a number of researchers to consider the analyzed events as links in one chain - the collapse of the socialist system and the triumph of the liberal idea. However, the authors of this article question such an interpretation of these processes, given that their "positive result" for the Eastern European countries and the republics of the Soviet Union, especially the RSFSR, is far from identical, and in many respects directly opposite. Taking into account this peculiarity of the historiographic situation, the authors attempted to analyze the revolutionary changes in the east of the European continent, to focus on the most significant differences in events and processes in the USSR, on the one hand, and the states of Eastern Europe, on the other. The study is focused not on the Soviet Union as a whole, but on its largest republic, the RSFSR, the immediate predecessor of the post-Soviet Russian Federation, and among the Eastern European states, the authors do not analyze Yugoslavia and Albania, since the events in these countries developed so specifically that they require a separate comparative study. The chosen approach allows researchers to come to an understanding of the causes of the well-known finale of the events of the late 1980s. for the RSFSR, which, according to the authors, was closer to some of the Central Asian republics of the former USSR than to its own Baltic republics and, moreover, to the Eastern European once "fraternal countries".

Keywords: «velvet revolutions» (Tender Revolution), RSFSR, Eastern Europe, socialism, liberalism, democracy.

REFERENCES

1. Bezborodov A. B., Eliseeva N. V., Shestakov V. A., *Perestroika i krakh SSSR. 1985–1993*, Saint Petersburg: Norma, 2010, 216 p.
2. Blinova M. A., *Sotsialisticheskii internatsional i strany Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy v 1989-2002 godakh: dis. ... kand. ist. nauk*, Moscow., 2003, 230 p.
3. Butenko A. P., *Osobennosti krusheniya totalitarizma kommunisticheskikh tsvetov, Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World (ONS)], 1995, no. 5, pp. 169–175.
4. *Vostochnaya Evropa: kontury postkommunisticheskoi modeli razvitiya: sb. statei / RAN, In-t slavyanovedeniya i balkanistiki, Nauch. tsentr obshch斯拉в. issled.; otv. red. Yu. S. Novopashin*, Moscow, ISB, 1992, 213 p.
5. Zadorozhnyuk E. G., *Revolutsii 1989 g. i protsessy stanovleniya novoi regional'noi identichnosti Tsentral'noi Evropy, Revolutsii 1989 goda v stranakh Tsentral'noi (Vostochnoi) Evropy: Vzglyad cherez desyatiletie*, Moscow, Nauka, 2001, pp. 69–82.
6. Zadorozhnyuk E. G., *Sovetskaya perestroika i revolutsii 1989–1990 godov v stranakh Tsentral'noi i Yugo-vostochnoi Evropy, Revolutsii i reformy v stranakh Tsentral'noi i Yugo-Vostochnoi Evropy: 20 let spustya: sb. statei RAN, Institut slavyanovedeniya*, Moscow, ROSSPEN, 2011, pp. 118–134.
7. Knyazev Yu. K., *Puti preobrazovaniya, Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1991, no. 5, pp. 55–63.
8. Korovitsyna N., *S Rossii i bez nee: vostochnoevropeskii pust' razvitiya*, Moscow, Algoritm, 2003, 310 p.
9. *Krakh sotsializma v Vostochnoi Evrope [Elektronnyi resurs]*, Rossiiskaya imperiya [sait], URL: <http://www.rusempire.ru/istoriya-sovetskogo-soyuza/krah-sotsializma-v-vostochnoy-evrope.html> (accessed 10 January 2022).
10. Malkhozova F.V., *Sovetskaya obshchestvennost' i demokraticheskie revolutsii v Tsentral'noi i Vostochnoi Evrope osen'yu 1989 g., Istoriya sovremennosti: informatsionnye resursy, metody i issledovatel'skie praktiki v Rossii i za rubezhom: doklady Mezhdunar. nauch.-prakt. konf./ pod obshch. red. E. P. Malyshevoi*, Moscow, Izd.-vo RGGU, 2019, pp. 253–264.
11. Musatov V. L., *Rumyniya: sobytiya dvadtsatiletnei davnosti, Novaya i noveishaya istoriya*, 2011, no. 2, pp. 32–42.
12. Novopashin Yu., *Revolutsii 1989 goda v stranakh Tsentral'noi (Vostochnoi) Evropy: vzglyad cherez desyatiletie, Revolutsii 1989 goda v stranakh Tsentral'noi (Vostochnoi) Evropy: Vzglyad cherez desyatiletie / otv. red. G. N. Sevost'yanov*, Moscow, Nauka, 2001, pp. 11–25.
13. Polunov A. Yu., *Natsional'nyi vopros v vozzreniyakh vlasti i demokraticheskoi oppozitsii v SSSR (ko-nets 1980-kh - nachalo 1990-kh gg., «Barkhatnye revolutsii») 1989 goda v istorii SSSR, Chexhoslovakii i stran Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy : Kollektivnaya monografiya*, Minsk, Kolograd, 2019, pp. 66–74.
14. Solovei T. D., Solovei V. D. *Nesostoyavshayasya revolutsiya*, Moscow, AST: Astrel', 2011, 541 p.
15. Shishelina L.N. *Tsentral'naya Evropa: tri desyatiletiya posle «Barkhatnykh revolutsii»*, *Tsentral'naya Evropa: tridsat' let po puti reform. Problemy, vyzovy, perspektivy / pod red. V. V. Vorotnikova, M. V. Vedernikova*, Moscow, Izd.-vo FGBOUN Institut Evropy Rossiiskoi akademii nauk, 2021, pp. 10–21.

Дорожкин А. Г. Коробков Ю. Д. Особенности общественно-политических процессов в Восточной Европе и СССР на рубеже 80-90-х гг. XX в. // Гуманитарно-педагогические исследования. 2022. Т. 6. № 2. С. 29–34.

Dorozhkin A. G. Korobkov Yu. D. Features of Socio-political Processes in Eastern Europe and the USSR at the turn of the 80-90s. 20th century, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2022, vol. 6, no. 2, pp. 29–34.

Дата поступления статьи – 06.04.2022; 0,57 печ. л.

Сведения об авторах

Дорожкин Андрей Геннадьевич – до августа 2021 г. профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», Магнитогорск, Россия; andrew-67@mail.ru.

Коробков Юрий Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск, Россия; n.kyakkinen-56@yandex.ru

Authors:

Andrey G. Dorozhkin, Professor, Doctor of History, Professor at the Department of world's History, Institute of Humanitarian Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU), Magnitogorsk, Russia; andrew-67@mail.ru.

Yuriy D. Korobkov, Doctor of Sciences in History, Professor at the Department of World History, Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia; n.kyakkinen-56@yandex.ru.